

у нея въ Петербургѣ; чистый, музыкальный голосокъ княжны, словно серебряный колокольчикъ, разносился по цѣлому дому, звенѣлъ изъ всѣхъ закоулковъ сада и усадьбы. Рѣшительно «мозгъ и сосуды» сохранились въ надлежащей неприкосновенности.

Князь не былъ изъ числа людей, легко забывающихъ. Почти совсѣмъ успокоившись на счетъ своей дочери, онъ еще разъ преклонилъ колѣни передъ тѣмъ же темнымъ образомъ.

Молитва князя была прервана на этотъ разъ голосомъ его дочери.

— Папа, можно къ тебѣ?—постучалась она.

Еще съ глазами, влажными отъ слезъ, поспѣшно вытертыхъ надушеннымъ платкомъ, онъ поднялся съ колѣнъ и отворилъ двери.

— Можно, моя радость. Тебѣ всегда можно.

Весело и шумно, на этотъ разъ даже съ особеннымъ оживленіемъ, ворвалась Людмила Сергѣевна въ комнату отца.

— Папа! Знаешь, что говорить кучеръ?

— Ну?

— Онъ говорить, не быть бы мнѣ въ живыхъ, еслибъ не тотъ крестьянинъ, который—помнишь?—схватилъ лошадей.

— Конечно, дитя мое, этотъ человекъ сдѣлалъ намъ величайшую услугу. Но все-таки онъ—только орудіе божіе; и что именно случилось бы безъ него—вѣдаетъ одинъ Господь.

Князь, еще весь подъ вліяніемъ своей прерванной молитвы, глубоко вздохнулъ, мысленно творя крестное знаменіе.

— Нѣтъ, папа, кучеръ говорить, что Самсонъ,—нашъ лѣвый дышловой,—очень смиренная лошадь; но ужъ за то, если иной разъ испугается, удержать его нѣтъ возможности. Не будь того крестьянина, мнѣ навѣрное разможили бы голову объ какой-нибудь пень или дерево, право.

Князь даже закрылъ глаза рукою.

— Боже сохрани! И зачѣмъ вспоминать объ этомъ, когда уже все прошло и кончено...

Убромскій съ невольной дрожью подумалъ: «разможенная голова... кровь... пробитый черепъ!.. И все это, пожалуй, по моей же винѣ; пришлось бы упрекать себя же... Господи, какой ужасъ!»

Но княжна, все съ тѣмъ же одушевленіемъ, съ тѣмъ же блескомъ въ глазахъ—вѣдь минувшая опасность была такимъ интереснымъ обстоятельствомъ!—продолжала толковать свое.

— Кучеръ даже удивляется, папа, какъ это крестьянину